

*Посвящается Лори
Любой рассказчик заслуживает,
чтобы рядом с ним был человек вроде тебя*

1

ДЫХАНИЕ НА СТЕКЛЕ

Я смотрю на тысячи падающих на землю снежинок. Страстно мечтая о свободе, я прижимаюсь лицом к окну. Увы, свободы меня лишает вовсе не этот тонкий слой стекла. И это правда.

Большинство людей считают, что правда — это такая маленькая, хрупкая птичка. Они думают, что правда безвредна.

Но я знаю нечто такое, чего не знают они.

Если они осмелятся протянуть руки, то обнаружат, что маленькая птичка упорхнула. Разорвала их кожу, достигла глубин души, проникла в то место, где болит сильнее всего.

И именно поэтому я сейчас здесь, а они — нет.

Я прижимаюсь лбом к окну и дышу на стекло. Оно затуманивается, на нем появляется мой личный подсчет. Я делаю на стекле еще одну отметку. Тридцать дней.

Тридцать дней с тех пор, как меня вопреки моей воле поместили в Клинику психического здоровья Фэйрфакса.

Семьсот двадцать часов подряд я каждое утро открываю глаза и вижу незнакомую комнату. Семьсот

двадцать часов подряд медсестры ежечасно входят и выходят из моей комнаты. Семьсот двадцать часов за мной круглосуточно наблюдают, как за беспомощным младенцем, которому нет доверия.

Я наблюдаю за ползущей по стеклу мухой, отчаянно пытающейся вырваться наружу.

— Я уже пробовала, дурашка, — говорю я и стучу пальцем по стеклу. — Отсюда не выбраться. Тут у них все на замке.

Словно услышав мои слова, муха замирает на месте. Рано или поздно она найдет выход. Я завидую ей. Жгучая зависть струится по моим жилам. Меня так и подмывает прихлопнуть ладонью противное насекомое, лишить его шансов на побег.

Вот к чему свелась моя жизнь. Я завидую долбаной мухе.

Кто-то громко стучит в мою дверь.

Раз, два, три...

Три — магическое число для моей медсестры. Как будто несколько секунд позволяют ей подготовиться к тому, что она обнаружит по эту сторону двери.

В дверях стоит Мэри. Я смотрю на ее коротко остриженные каштановые волосы и медицинскую форму в цветочек.

— К вам посетитель, — говорит она.

Я отхожу от окна. Каждый день мое сердце бьется в одном и том же монотонном ритме, но в считанные секунды мой пульс ускоряется до непривычного. Теперь у него другой ритм — новый, возбужденный, волнующий. Прекрасный. И это может означать только одно. Лахлан Холстед.

Прежде чем выйти из комнаты, я оглядываюсь через плечо. Муха уже улетела.

— Счастливая, — бормочу я себе под нос и выхожу в коридор.

Если кто-то хоть раз усомнился в существовании такой вещи, как безумие, ему стоит заглянуть сюда, к нам. Безумие расплывается здесь в каждой комнате. Оно скользит по стерильным коридорам и прилипает к каждому запертому здесь пациенту, лишая надежды, обволакивая отчаянием.

Есть те, кто никак на это не реагирует. Но есть и другие, кто реагирует и кричит. Их вопли эхом разносятся по всему зданию. Тогда медсестры бегут по коридору. Через несколько секунд крики превращаются в стоны, а затем и вовсе прекращаются. Когда я только попала сюда, эти звуки заставляли меня холодеть от ужаса. Но теперь я научилась их не замечать.

Мы с Мэри идем по коридору. Мимо нас проходят медсестра и какая-то брюнетка. Я замедляю шаг и смотрю на брюнетку. Ее волосы коротко подстрижены. Кожа бледная, но в свете флуоресцентных ламп кажется желтоватой. Сама она — ходячий скелет. Руки сплошь в отметионах, и каждая рассказывает собственную историю.

Она смотрит на меня. В ее глазах светится ее душа, словно спрашивая:

— Какого черта я еще жива?

У меня нет ответа.

У запертых дверей Мэри останавливается и вводит в замок четырехзначный код. Двери медленно открываются. словно мы входим в ад. Комната отдыха —

самое гнетущее место в Клинике психического здоровья Фэйрфакса. Сюда нас запихивают всех вместе.

Мэри подталкивает меня вперед. Жалюзи на окнах открыты. Сюда проникает солнечный свет, и коричневый линолеум на полу кажется ослепительно-белым. По всей комнате расставлены столы.

Несколько человек сидят, играют в настольные игры или смотрят подвешенный на стене телевизор. Новости звучат еле слышно, но включены субтитры. Однако большинство не делают ничего, а лишь смотрят прямо перед собой. Их глаза пусты.

Вокруг меня так много увядающих умов. Но у меня есть тот, кто удерживает меня от безумия, и он всего в нескольких шагах от меня.

Чувствуя, как расслабляется мое тело, я смотрю на Лаклана. Он сидит за столом возле окна. Его густые брови нахмурены, он смотрит на улицу. Я вижу, как он поднимает загорелую руку и ослабляет узел темно-синего шелкового галстука. Его каштановые волосы все еще коротко подстрижены, но несколько прядей свисают на лоб.

Если зажмуриться, то передо мной возникает обычный мальчишка с дерзкой улыбкой, сопровождающейся детской наивностью. Тощий и жилистый. Лучший друг, который похитил мое сердце. Но стоит открыть глаза, как этот образ исчезает, и передо мной уже мужчина. Юношеская дерзость превратилась в опыт. Тело окрепло. Теперь он владеет не только моим сердцем, но и моей душой.

Я всегда считала его продолжением меня. Невозможно быть настолько близким с человеком и ожи-

дать, что твоя боль не распространится на него. Я знаю, что мое горе — это его горе.

Я иду через всю комнату. Лахлан по-прежнему смотрит на улицу. Я прищуриваюсь. Мой взгляд скользит за его взглядом, и я вижу одинокое дерево, растущее за окном. Это то самое дерево, на которое я смотрю всегда. Его ветви голые, без листьев и гнутся на холодном ветру. Всю последнюю неделю я наблюдала за замерзшей каплей воды на одной из нижних веток.

Она висит там, готовая в любую секунду сорваться.

Слабая ветка раскачивается под порывами ветра, но капля оледеневшей воды никак не падает. Если она сможет удержаться, то и я, возможно, смогу сохранить остатки здравомыслия.

Я выдвигаю стул и сажусь напротив Лахлана. Наши взгляды встречаются. Это шок для моих нервов. Кровь устремляется прямо к голове.

— Как твои дела? — спрашивает он.

Мои ноги поджаты, колени притянуты к груди, пятки упираются в край сиденья. Я опускаю подбородок на колени и в упор смотрю на него. Он часто навещает меня. Но промежутки между этими посещениями, похоже, становятся все длиннее и длиннее.

— Как и два дня назад, — отвечаю я.

Лахлан пристально смотрит на меня. Он буквально сверлит меня взглядом. Его глаза ничего не упускают.

— Ты разговаривала со своим врачом?

Я отвожу глаза и смотрю в окно. Лахлан сокрушенно вздыхает и приглаживает волосы.

— Я скучаю по тебе, Наоми.

— Я тоже по тебе скучаю.

Мой голос дрожит.

— Ты знаешь, что тебе здесь не место, верно?

Я киваю.

— Тогда тебе нужно попытаться выздороветь. —
Лахлан, поморщившись, обводит взглядом комнату,
глядя на весь этот цирк, и стискивает зубы. — Черт,
мне до сих пор не по себе, что я оставил тебя здесь.

Я тянусь через стол и кладу ладонь на его руку.
Опустив веки, он смотрит на нее. Затем перевора-
чивает руку, и его пальцы скользят по моему запя-
стью. Его прикосновение буквально обжигает мою
кожу. Он снова переворачивает ладонь и сжимает
мои пальцы.

— Ты любишь меня?

Я смотрю Лахлану прямо в глаза.

— Ты же знаешь, что да.

Мои слова по идее должны вселить в него надежду,
но он почему-то выглядит обескураженным.

— Если ты любишь меня, то тебе нужно попра-
виться.

— Я пытаюсь, — говорю я и стараюсь высвободить
руку.

Но Лахлан еще крепче сжимает мои пальцы.

— Нет, не пытаешься.

— Я не могу не думать о том, что произошло, —
шепчу я настойчиво.

Он наклоняется ко мне. Его лицо оказывается
в нескольких дюймах от моего.

— Я сказал тебе, что не перестану бороться. Я ска-
зал тебе, что ты не одна, но ты сдалась.

Я отдергиваю руку. Он отпускает ее. Я могу справиться со многими вещами, но слышать от него такие слова! Это все равно, как если бы кто-то отрезал кусочек моего сердца.

Он смотрит на стол, где только что сплетались наши руки.

— Это разрушает тебя, — шепчет он. — Наоми, которую я знаю, никогда бы не сдалась так быстро. Она бы боролась до конца, чтобы только остаться в настоящем.

— Я борюсь. Оглянись вокруг, Лах, — говорю я. — Разве я смогла бы продержаться здесь так долго?

— Ты знаешь, почему ты здесь? — резко спрашивает он.

Я молчу.

— Ты здесь потому, что ты сдалась.

Я вздрагиваю. Так это или нет, но мне нечего возразить Лахлану. Он выйдет отсюда нормальным, здравомыслящим человеком. Его слова будут иметь смысл, мои же еще не скоро его обретут. Если обретут вообще.

В моих ушах грохочет пульс, мое зрение размыто. Я вижу женщину с печальными глазами, которая смотрит на себя в зеркало. И вижу Макса. Он лежит рядом со мной в постели. Одним быстрым движением я поднимаюсь над ним. Он улыбается мне, и его руки сжимают мою талию.

Этот образ мгновенно исчезает. С моих губ слетает стон, и я прижимаю пальцы к глазам.

— Наоми, посмотри на меня.

Я опускаю руки. Лахлан сидит напротив, пристально глядя на меня. Он обнимает меня за шею.

Его большой палец касается моей кожи, и я вздрагиваю.

— Ты сейчас со мной? — спрашивает он.

Да... Нет... Может быть... Каждый день для меня — неизвестность. Каждый день я просыпаюсь с ощущением густого тумана вокруг, и я недосчитываюсь частички себя и не знаю, куда она делась.

— Пока да, — честно отвечаю я.

Лахлан смотрит мне в глаза.

Возникает двухсекундная пауза, и она заставляет мой желудок болезненно сжаться. Кровь оглушительно ревет в моих венах. Лахлан открывает рот, но ничего не говорит. Похоже, он борется с собственными чувствами и проигрывает эту схватку. Наши взгляды встречаются, он крепко целует меня в губы.

Я мгновенно оживаю. Это то, что и должен делать хороший поцелуй. Он должен говорить с вами, как только ваши губы соприкоснулись.

Не нужно думать.

Не нужно реагировать.

Только чувствовать.

У нас с Лахланом всегда так и было. Это поцелуй шепчет мне:

— *Помни меня. Я настоящий.*

Я отвечаю тем единственным образом, которому Лахлан научил меня в прошлом. Его ладони обхватывают мое лицо. Давление его губ ослабевает, и тогда мои губы ищут его рот. Он тихонько стонет и еще крепче сжимает мое лицо. Это будит воспоминания о том, кем я была. В моей голове, словно в лучах про-

жектора, возникают картины. В каждой присутствует Лахлан. Мы с ним вдвоем в поле, запускаем фейерверки. Смотрим на звезды и без конца говорим, пока не восходит солнце. Я вижу себя: я улыбаюсь, я беззаботная и такая счастливая.

Я ощущаю короткий миг умиротворения. Язык Лахлана проникает между моих губ. По моему телу прокатывается дрожь, и я шире открываю рот. Мои пальцы скользят вверх по его рукам, касаются его шеи. И в тот момент, когда внутри меня начинает мерцать надежда, Мэри прочищает горло.

Лахлан отстраняется первым. Его зрачки расширены, губы распухли от нашего поцелуя. Я облизываю губы, пытаюсь вернуть частичку этого поцелуя. На этот раз Мэри откашливается еще громче. Я поднимаю глаза.

— Мистер Холстед, — говорит она, — думаю, вам пора уходить.

Лахлан убирает руку с моего затылка. Мне мгновенно становится холодно. Мои руки тяжело падают на стол. Я вижу, как Лахлан встает и поворачивается к Мэри.

— Всего одну минуту, — просит он.

Мэри смотрит на него, затем на меня и вздыхает.

— Минутку, — предупреждает она и уходит.

Лахлан наклоняется ко мне. Я смотрю в стол, но его гладкая поверхность начинает расплываться из-за слез, что наворачиваются мне на глаза. Назревает что-то ужасное. Я это чувствую.

— Я не могу так дальше, — говорит он.

Я смотрю на него. И вижу в его глазах боль.